

А

Л. Троцкий.
О ГЛЕБЕ ИВАНОВИЧЕ УСПЕНСКОМ*

I

/* Статья об Успенском (часть большой и до сего дня незаконченной работы) была напечатана в 1902 году в журнале "Научное Обозрение". В тот период слово марксизм и имя Маркса были строго изгнаны из легальной печати. Приходилось говорить обиняками. Читатель должен все время иметь в виду это обстоятельство. Л. Т.

Из народников-беллетристов, столь славных в свое время и столь основательно и, надо сознаться, справедливо забытых в эпоху литературной "смуты"*, один Успенский не будет снесен всепожирающим потоком новых общественных настроений и отражающих их литературных течений, - как драгоценный камень, он будет и будет чаровать игрой не тускнеющих от времени красок и огней. Единственный среди многих, мученик собственной бесстрашной мысли, он глядит скорбно-проникновенным взором через головы своих сверстников и единомышленников (единомышленников - по злой иронии общественных судеб) - в глаза будущему.

/* "Смута" назвал Н. К. Михайловский эпоху появления марксистов в легальной публицистике, декадентов - в поэзии.

Тому поколению, к которому принадлежит автор этой работы, Успенский должен быть вдвойне дорог. Прежде всего потому, что его произведения представляют собою - к сожалению, крайне мало использованный в свое время - арсенал, содержащий богатейший выбор оружия для борьбы как раз с тем направлением, в которое условия общественности загнали самого Успенского. В этом его общественное значение, которое и будет, между прочим, выяснено в этой статье. Вторая причина особого значения Успенского для указанного поколения имеет - позволим себе такое выражение - лирический характер. Это требует пояснения.

Начало 90-х годов - духовные Wanderjahre (годы странничества) того течения, которое исторически и логически вытекло из народничества, вытеснив это последнее из сферы общественного сознания. Эти Wanderjahre, как всякое время душевного перелома, имели глубоко-драматический характер. То был момент ликвидации пришедшего в ветхость идейного инвентаря, когда многим приходилось отрывать от души старые догматы, из которых поток времени вымыл все реальное содержание, оставив лишь пустую, но родную душе оболочку. То был момент генеральной самопроверки, испытания привычных догматов при помощи иной доктрины. Эта самопроверка и это испытание обнаружили полнейшее духовное банкротство. С ужасом пришлось убедиться, что

"... не осталось слова,
Которое б вконец не истрепалось,
Свой истинный не потеряло смысл" -

пришлось убедиться, что ход общественного развития превратил в предрассудок обломки древней правды и из вчерашней истины сделал сегодняшнюю ложь.

Так называемая "перемена фронта" произошла на поверхностный взгляд чрезвычайно быстро и притом почти с механической простотой, по такой приблизительно программе: Маркс родил Бельтова, Бельтов родил свою книгу*, а от этой книги, если верить г. Михайловскому, "современная смута" стала есть. В действительности процесс был гораздо сложнее и мучительнее. Мы меньше всего склонны отрицать в изображаемом нами идейно-общественном процессе роль, скажем, той или иной книги, но все же, повторяем, это были только книги...

/* Н. Бельтов (Г. В. Плеханов). "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и Ко". СПб. 1895.

Когда этот процесс завершился, оказалось, что многие писатели, которые еще недавно, почти вчера, были тебе так близки, говорили одним с тобой условным языком и защищали неизменными аргументами столь дорогое пустое место, - эти писатели тебе чужды, не заражают тебя более своими сакраментальными "формулами", в которые некогда укладывалось и твое настроение, говорят не так, как ты, чувствуют не то, что ты, а главное, оказалось, что пустое место есть пустое место и больше ничего*.

/* Когда касаешься этого обстоятельства, невольно вспоминается рассказ о том, как при дворе одного из